

68-й

рассказ

Всё-таки нас заложили! После первого курса Павел Куликов окунулся в свой первый студенческий стройотряд в Петродворец. Строили новые корпуса университета. Даже не строили, а так, только начинали. Особой работы не было. Однако в этом отряде были студенты из всех стран социалистического лагеря. Двести пятьдесят человек. В свободное время учили друг друга языку, матерным словам, играли в футбол, а если шёл дождь — в карты, «на дурака». И когда Куликов вместе с двумя другими, правда только отечественными картёжниками на целый месяц сослали на кухню мыть посуду и котлы, он и там находил радость в самом процессе, умудряясь его как-то украсить и возвысить.

Ну, во-первых, забегаая вперед, нужно сказать, что только эти самые картёжники и заработали хоть какие-то деньги на мытье посуды. Остальные - ничего! А во-вторых, Павел, облагораживая свой мало престижный труд, вёл себя так, будто это было и не наказание вовсе. Причём все вокруг в этом быстро убеждались.

Рано утром строители сидели в столовой в грязной спецодежде, завтракали и готовились идти работать - таскать камни, стекловату, мешки с цементом... В это время Куликов открывал окошко для сдачи грязной посуды, и все могли его лицезреть. Он в блестящем сером костюме, в белой сорочке с бардовым галстуком в полоску сидел за окошком и покуривал папиросы «Дюшес», охотно откликаясь на просьбы подходящих за чистым стаканом или вилкой. Приходят на обед или на ужин. Сидят, грязные, мокрые, изголодавшиеся. А в

окошке опять Куликов, в белой сорочке, уже с другим галстуком и опять-таки с папиросой «Дюшес»... Вывод один и совершенно простой. Нужно всем играть в карты «на дурака».

Конечно, когда студенты уходили из столовой, Павел переодевался и почти весь погружался в горячую воду с горчицей и грязными тарелками от двухсот пятидесяти едоков. Но этого никто уже не видел. Один рывок и всё! Зато, когда в последний месяц стройотряда началась заварушка с Чехословакией, пригодился именно он - «заядлый» картёжник и посудомойка.

Чехословацкие студенты заперлись в комнате и, пытаясь поймать по радио Прагу, никого не пускали к себе. По телевизору показывали, как танки стран Варшавского договора с большими белыми крестами сверху на броне уже входили в их страну. Тогда комиссар отряда одного за другим посылал к запершимся иностранцам студентов исторического факультета, так сказать, идеологов. Чехословаки их не впускали и даже били.

Всего-то и нужно было собрать всех и организованно вывезти на родину. Только юные студенты из Праги никому не верили, всего боялись и уже напридумали себе чёрт знает что. Они сами называли Куликова, как посредника. Вроде как, ему верили. Громко сказано! Просто он вызывал у них какую-нибудь малюсенькую, но симпатию.

Студенты из опальной страны организованно вышли из своего убежища вместе с Павлом, сели в один львовский автобус и через три часа были уже в самолете, отлетающем в Прагу. Куликов вернулся только к вечеру. Конечно, никто в отряде не собирался их сдерживать в естественном желании вернуться домой, когда там чуть ли не война. Если бы это было не так, никакой картёжник и посудомойка им бы не помог. Но, наверное, такое поведение чехословацких студентов и такой выбор были обоснованы и

вызывались общей накалённой атмосферой вокруг них, верой в своё правительство, провозгласившее курс на демократизацию общества и, конечно же, юношеским максимализмом. А Пашка? Он просто был им приятен потому, что хоть в чем-то, хоть в мелочи, даже сам не осознавая этого, даже не смеялся, а только иронизировал над раз и навсегда кем-то установленным порядком.

В тот день, несмотря на отъезд двадцати человек, чистой посуды в столовой явно не хватало. Не было дополнительных тарелок под тарелкой с супом, кусочки масла не лежали на специальном блюдечке...